

Дары Пандоры

Даниэла Раймонди

БЕРЕГ
ПЕЧАЛЕЙ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
Р18

Daniela Raimondi
LA CASA SULL'ARGINE
Copyright © Casa Editrice Nord Surl, 2020
All rights reserved

Перевод с итальянского Екатерины Пантелеевой
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Раймонди Д.

Р18 Берег печалей : роман / Даниэла Раймонди ; пер. с ит. Е. Пантелеевой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 480 с. — (Дары Пандоры).

ISBN 978-5-389-27130-2

Поздней осенью, в последний год XVIII века, в маленький итальянский городок Стеллата на берегу реки По заехал цыганский табор, и прекрасная цыганка Виолка похитила сердце сорокалетнего холостяка Джакомо Казадио. Несмотря на противодействие обеих семей, влюбленные поженились, но однажды Виолка решила раскинуть карты, чтобы узнать, что ждет их в будущем. И карты предрекли ужасную трагедию, которая ожидает кого-то из их потомков...

В этой пронзительной истории смешаны правда и вымысел, реальность и магия, слезы и шутки, и охватывает она два столетия истории Италии, от борьбы Гарибальди за объединение страны до терроризма и социальных катаклизмов 1970-х. Причудливое переплетение мистики, романтики и реализма заставляет сопереживать, надеяться и вместе с героями из разных эпох пытаться обрести и понять смысл человеческой жизни.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-27130-2

© Е. В. Пантелеева, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®

Посвящается Гвидо

Пролог

Год 1412 от Рождества Христова. В 18 день июля прибыл в Болонью герцог Египетский, и прибыл с женщинами, детьми и мужчинами из своей страны, и было их числом не меньше ста.

Хроника событий незабвенного города Болоньи со дня ее основания, составленная братом Иеронимом де Бурзеллисом в 1497 году (из собрания Лудовико Антонио Муратори «Историописатели Италии», том XXIII, 1733)

Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь.

*Уильям Шекспир.
Буря (акт IV, сцена I)¹*

— Это из-за цыганки у нашего рода нечистая кровь, — часто повторяла мне бабушка, когда надевала белый фартук, закатывала рукава до локтей и готовилась месить тесто для домашней лапши. Она заводила рассказ об истории семьи, начиная с той самой цыганки из давних времен, а сама при этом била яйца в середину примятой горки из

¹ Пер. М. Донского. — *Здесь и далее примеч. пер.*

муки. Легкое движение запястья — чпок! — разбилось яйцо; еще одно движение — чпок! — разбилось второе. Бабушка месила тесто, а сама при этом все говорила, и плакала, и смеялась. Она была уверена, что именно из-за того, что наш далекий предок женился на цыганке два столетия тому назад, теперь у половины семьи светлая кожа и голубые глаза, а вторая половина рождается черноглазой и с волосами цвета воронова крыла.

И это были не просто старческие выдумки. Тот факт, что цыгане жили в Стеллате — городке, откуда родом моя семья, — подтвержден старинными документами двухсотлетней давности, что хранятся в исторических архивах Библиотеки Ариосто в Ферраре.

В тот день, когда появился цыганский табор, в городке лил сильнейший дождь. Стоял ноябрь, и ливень не прекращался уже несколько недель. Поля скрылись под толщей воды, исчезли тропинки, дороги, дворы, а в конце концов — даже городская площадь. Жители могли передвигаться только на лодках. Стеллата превратилась в своеобразную маленькую Венецию, правда, в гораздо более жалком варианте: без дворцов и гондол, зато с покосившимися домами, подгнившими суденышками и солоновато-горькой речной водой.

Повозки, скрипя, переехали реку через понтонный мост, а потом медленно двинулись по дамбе вдоль берега По. Дождь лил стеной, копыта животных проваливались в грязную жижу. Колеса буксовали, доски трещали, и в конце концов телеги накрепко застряли в размякшей земле. Мужчины трудились до поздней ночи, пытаясь освободи-

дить их, но с пятью повозками совладать не удалось, и цыганам пришлось остаться на берегу По в ожидании более благоприятной погоды.

Через некоторое время дождь прекратился, телеги вытащили и заменили на них колеса, однако целый ряд событий привел к тому, что отъезд неоднократно откладывался: сначала пришлось ждать исхода сложных родов, потом несколько человек слегли с дизентерией, а затем умерла одна из лошадей.

Когда цыгане наконец были готовы отправиться в путь, началась зима — одна из самых суровых за целое столетие, и городок сковало морозом. Ехать куда-то в такой момент всем показалось настоящим безумием.

Чтобы не заскучать за долгую зиму, некоторые цыгане начали подковывать лошадей, другие — продавать на рынке плетеные корзины, конскую упряжь, кухонную утварь и звонкие бубны, а остальные — играть музыку на крестинах и свадьбах. Началась и прошла весна, а летом городок охватила эпидемия тифа, и всем запретили покидать его пределы. Времена года сменяли друг друга, и жизнь цыган в Стеллате окончательно превратилась в рутину.

Местные жители и сами не заметили, как их враждебность по отношению к вновь прибывшим уступила место привычке. Умирялись старики, рождались дети, а молодежь влюблялась, не особенно задумываясь о различиях. И таким образом спустя всего несколько поколений цыганская кровь уже текла в венах доброй трети жителей Стеллаты.

Вот тут-то и выходит на сцену мой далекий предок Джакомо Казадио. В Стеллате все знали его как юношу нелюдимого, склонного к меланхолии. Природа, однако, наделила Джакомо богатым воображением, и с годами он превратился в самого настоящего мечтателя. Фантазировал он в основном о том, чтобы строить лодки, но вовсе не обычные скромные суденышки, какие плавали вдоль берегов По. Нет, он представлял себе огромные корабли, в трюмах которых можно было бы возить не только зерно, древесину, солому и мелких животных, но и коров и лошадей. Проще говоря, Джакомо Казадио хотел построить нечто очень похожее на Ноев ковчег.

Идея эта зародилась у него в голове еще в детстве, в местном приходе. Листая Библию, он наткнулся на изображение ковчега, готового отправиться в путь. Увиденное заворожило мальчика: круглый корпус судна, головы львов и жирафов, выглядывающие из окошек, а под ними ряды уток, петухов и кур, и пары коз, верблюдов, овец и ослов. Корабль, способный пережить Всемирный потоп и спасти всех существ, живущих на Земле!

Эта картинка из Библии и легла в основу будущего наваждения. Когда Джакомо вырос, то принялся за строительство прямо во дворе родительского дома. Он долго думал над будущим проектом. Река всегда была самым быстрым путем для перевозки людей, грузов и животных, кроме того, на ней ловили рыбу, собирали лягушек, добывали песок... В районе Стеллаты По была широкой и глубокой, так что в мечтах юный Казадио представлял себе новый крупный речной порт.

Джакомо потребовалось три года, чтобы завершить строительство. Когда ковчег был готов, он дождался 4 декабря — Дня святой Варвары, покровительницы моряков, — чтобы спустить судно на воду.

В то утро в городке царило необычайное оживление. Жители столпились на берегу, чтобы насладиться невиданным зрелищем. Пришел и священник с распятием, служками и святой водой. На огромной телеге, запряженной дюжиной быков, судно дотащили до воды. Выстроившись на илистом берегу, самые сильные мужчины из местных начали спускать ковчег, перемещая одно за другим бревна, на которых он был установлен, чтобы корабль сначала сполз с телеги, а потом с берега в реку. Вокруг звучали изумленные возгласы, одобрительные крики, были и минуты замешательства и напряженного ожидания, но в конце концов ковчег вошел в воды По. Толпа взорвалась воплями ликования и аплодисментами.

Шаркающей, неуверенной походкой, но с выражением триумфа на лице Джакомо поднялся на борт. Он приветствовал людей, собравшихся на берегу, голубые глаза сияли, грудь гордо выпятилась вперед. Еще никогда в жизни он не был так счастлив. К сожалению, далеко ковчег не уплыл: меньше чем через час он пошел на дно.

Джакомо охватило глубокое уныние, и длилось это состояние всю зиму. Родители так тревожились за сына, что отец в конце концов предложил попробовать еще раз.

— У тебя светлая голова. Вот увидишь, в следующий раз твой корабль доплывет до самого моря! — уверенно заявил он.

И, вдохновленный родительской поддержкой, Джакомо справился со своей печалью, начал строить второй ковчег, но его снова ждала неудача. Так он создал с полдюжины кораблей, и все они один за другим пошли на дно. Хотя надо признать, парочка продержалась на плаву несколько дней. На шестой раз Джакомо успел добраться аж до Комаккьо и дельты По, но едва он уже было решил, что наконец-то исполнил свою мечту, судно начало наполняться водой и в течение нескольких часов затонуло. Река в том месте была неглубокой, и говорят, еще много лет рыбаки, ловившие угрей, могли разглядеть грот-мачту ковчега, выглядывавшую из воды.

Между попытками и неудачами Джакомо проводил долгие месяцы в полной прострации, у него даже не было сил, чтобы работать в поле. Затем ни с того ни с сего начинался период эйфории, и мечта о постройке ковчега снова овладевала им. Наконец, настал день, когда отец потерял терпение.

— Ну хватит! Ты уже утопил шесть лодок. Все пошли на дно По, как булыжники!

Но несмотря на то что шесть кораблей утонули в реке, мечта не оставляла Джакомо, и родители понимали, что строительство ковчегов — единственное, что приносит хоть немного счастья в жизнь их сына, который был склонен к печали еще с тех пор, когда пребывал в утробе матери. А потому проходило несколько месяцев, и двор снова превращался в корабельную верфь со строительными лесами, штабелями досок, мешками гвоздей, тросами, клещами, пилами и мотками разноцветных канатов. И посреди всего этого ка-

вардака из древесины и инструментов Джакомо без усталости строгал, забивал гвозди и проклеивал швы. Всякий раз, закончив корабль, он терпеливо дожидался Дня святой Варвары, чтобы спустить его на воду, но защитница моряков так и не захотела помочь ему, и каждое новое судно неизменно шло на дно. Когда Джакомо не работал в поле и не занимался постройкой очередного ковчега, он обычно проводил время в одиночестве. Друзей у него было немного, а женщины вызывали такой неподдельный ужас, что до сорока пяти лет он так ни разу и не завел себе подружку. И вот однажды на местном празднике Джакомо повстречал цыганку. Он уже давно приметил ее: девушка была высокой, с гибким телом и копной черных волос длиной до талии. Она ходила по Стеллате с дерзким видом, в цветастых юбках, с ворохом фазаньих перьев в волосах, крупными кольцами на пальцах и многочисленными бусами на груди. Джакомо всегда старался держаться от нее подальше: самоуверенность девушки пугала его, да и в целом к ее народу он относился подозрительно. Однако в тот день цыганка подошла к нему и заглянула прямо в глаза. Когда она заговорила с ним, Джакомо вздрогнул и попытался унести ноги, но та удержала его за плечо.

— Куда ты? Я тебя не съем. Хочу только прочитать твое будущее.

— Не стоит. Я знаю свою судьбу и без твоих предсказаний.

Казаддио вновь попробовал сбежать, но цыганка не собиралась сдаваться и взяла его за руки.

— Дай посмотрю. Виолка никогда не ошибается.

Однако она не стала предсказывать его будущее. Цыганка лишь взглянула на ладони Джакомо, потом сжала его руки, внимательно посмотрела в глаза и заявила:

— Наконец-то ты пришел! Я столько лет тебя ждала.

Несколько месяцев спустя Виолка забеременела, и, к великому неудовольствию обеих семей, влюбленные сочтались браком.

1800

Городок с несколькими сотнями жителей, зажатый между дорогой и рекой, жил совсем небогато, зато гордо носил невероятно красивое имя — от латинского слова «звезда». Помимо названия, правда, поэтического в Стеллате было немного: площадь с портиками, скромная церквушка XIV века, пара фонтанов да развалины древнего форта у реки. Мало кто знал о славной истории этого местечка. Начиная со Средних веков Стеллата была стратегическим оборонительным пунктом во времена попыток завоевания Венеции и Милана вследствие своего расположения: у реки По, на границе между современными регионами Венето, Ломбардия и Эмилия-Романья. Лукреция Борджиа не раз проезжала здесь, направляясь в Мантую, а еще в Стеллате жил сын легендарного Ариосто. Однако знал об этом только дон Марио, приходский священник, потому что половина жителей не умела читать, да и те, кто умел, никогда не интересовались тем фактом, что знаменитый средневековый поэт упомянул их скромную деревню в XLIII песне «Неистового Роланда»:

*Вот осталась Мелара по левую,
А Сермида по правую ладонь,
Позади — Фикароло и Стеллата,
Где разбросил рукава бурливый По¹.*

¹ Пер. М. Л. Гаспарова.

В поэме Ариосто также пишет, что Фикароло и Стеллата соединены деревянной переправой, и в начале XIX века она все еще существовала. Это был понтонный мост из старых лодок, связанных между собой толстыми канатами, и наверняка он не сильно отличался от того, каким его видел поэт несколькими столетиями ранее. А вот на месте старинной крепости к тому времени остались только полусгнившие балки, провалившиеся крыши и разбросанные повсюду овечьи экскременты.

Семья Казадио жила сразу за окраиной города, в местечке под названием Ла-Фосса. Прямо по их земле протекал ручей, отмечавший границу между провинциями Феррары и Мантуи. Дом представлял собой постройку, типичную для Паданской равнины: с арочным портиком, просторными комнатами и высокими потолками. Также у Казадио был сеновал, хлев, двор с утоптанной землей, свинарник и виноградник. Стены были некрашенные, с маленькими окнами, которые закрывали ставнями с мая по октябрь, чтобы не пускать в комнаты ни мух, ни жару. Туда и переехала Виолка после свадьбы с Джакомо. Свекру со свекровью было непросто привыкнуть к странным обычаям новоиспеченной невестки. Цыганка не собиралась ни под кого подстраиваться и продолжала носить разноцветные юбки и вплетать в волосы фазаньи перья. По утрам она брала старую ступку и проводила долгие часы за приготовлением отваров из трав и неизвестных корней.

Также Виолка постоянно устраивала сложные ритуалы уборки, которые должны были избавить дом от всех возможных загрязнений.

— Мы не можем спать спокойно, пока здесь *маримэ*, — твердила она.

— Мари... что? — растерянно переспрашивала свекровь.

Разделение на то, что является или не является *маримэ*, то есть «нечистым» на цыганском языке, проходило по границе между внутренними помещениями и внешним пространством. Виолка поддерживала в комнатах идеальную чистоту и порядок, в то время как забота о хлеве и животных ложилась на плечи других обитателей дома. Для цыганки дотронуться до мусора или экскрементов домашнего скота означало одну из крайних степеней «нечистоты». Она никогда не ходила работать в поле, так как для ее народа возделывание земли было настоящим табу, зато проводила много времени за готовкой еды, хотя и с учетом того, что, по ее мнению, только некоторых животных можно было употреблять в пищу или даже брать в руки. Виолка не выносила собак и кошек, потому что они вылизывают себя и от этого нечисты. Из мяса же больше всего любила дикобразов: их она относила к одним из самых чистых животных, ведь из-за колючек они точно никак не могут вылизываться.

Еще одной странной привычкой цыганки было каждый вечер оставлять миску с молоком на крыльце у входной двери.

— Что ты делаешь? — спросил Джакомо, когда в первый раз застал ее за этим занятием.

— Это для доброй змеи, — спокойно ответила Виолка.

Цыгане верили, что в фундаменте всякого дома живет добрая змея с белым брюшком и зубами

без яда. Они считали, что каждую ночь рептилия проползает по спящим людям, чтобы защитить их и принести им удачу. Однако если убить такую змею, кто-нибудь из семьи обязательно умрет, а на остальных обрушатся несчастья. Вот почему Виолка всегда оставляла немного молока за порогом: так она благодарила змею и давала ей возможность подкрепиться во время ночных бдений.

— Эта цыганка ненормальная! — жаловались свекор со свекровью.

В то же время, однако, они с удовольствием отмечали перемены, которые молодая жена внесла в жизнь Джакомо. Их сын, раньше всегда печальный, теперь каждое утро пел во время бритья, а по ночам вызывал возмущение всей семьи недвусмысленными звуками, раздававшимися из спальни. Из любви к Джакомо родители постепенно смирились со странностями невестки. Более того, им пришлось признать, что таинственные снадобья Виолки действительно работали.

— Я же *драбарни*, а каждая *драбарни* умеет лечить, — уверяла их цыганка. — Меня научили помогать лошадям, но с людьми все то же самое. Если у коня заболел живот, тут нужен кто-нибудь с гибкими пальцами, видите? Чтобы указательный и мизинец касались друг друга сверху без всякого труда. Берешь солому из-под коня, вот так, и кладешь ему на спину. Потом выкидываешь, берешь еще и снова кладешь. Сделаешь так три раза, и конь выздоровеет. А чтобы лечить людей, нужна лисья голова, точнее голый череп, и из него надо пить специальный отвар. Вот, держите, — говорила она свекру. — Из этой лисьей головы и де-

ти малые пили, и ни разу не пришлось ни к кому звать врачей. А теперь пожуйте вот это.

— Что там внутри? — спрашивал он.

— Я беру горчичный порошок и кое-какие коренья и делаю из них шарики, а вам нужно проглотить один перед сном, а другой наутро. Это погасит огонь у вас в легких. А теперь повторайте: «Иисус страдал, евреи сели ему на грудь, Господь их прогнал. Демон сел ко мне на грудь. Белые женщины, прогоните его и придавите большим камнем!»

— Но Бога не существует! — возражал старик и бил кулаком по столу.

— Меня не волнует, верите вы или нет, главное пейте, — ничуть не смущаясь, отвечала она.

* * *

На 18-й день третьего месяца нового века родился единственный сын Джакомо и Виолки Каздио — мальчик весом четыре килограмма с иссиня-черными волосами и таким же диким взглядом, как у его матери. Еще не омытый после родов, ребенок открыл глаза и огляделся вокруг, внимательно изучая обстановку, чем изрядно напугал повитух.

— Пресвятая Дева... У него глаза как у старика! — воскликнула одна.

Младенец даже не плакал: он крутил головой направо и налево, изучая мир, полностью поглощенный новыми картинками, что внезапно открылись перед ним.

Виолка отложила кусочек пуповины и объяснила:

— Когда засохнет, я зашью ее в мешочек и повешу ему на шею. Это приносит удачу.

Как только ребенка помыли, она покормила его правой грудью — с той стороны, что символизирует правду, удачу и добро. Когда же настало время выбрать имя, цыганка заявила:

— Мы назовем его Доллар.

— Что это за имя такое? — поразился Джакомо.

— Мне сказали, что это название монеты. Если его будут звать как деньги, он никогда не узнает нужды.

* * *

Дон Марио отнесся к затее еще более скептически, хотя и не мог знать, что с этих крестин начнется вековая безуспешная война прихода против экстравагантных имен, которые Казаддио будут выбирать для своих детей.

— Деньги — порождение дьявола. Никакой «Доллар» не будет окрещен в моей церкви! — возмутился падре. — Выберите имя святого, который станет покровителем и защитником младенца, иначе я отказываюсь в этом участвовать.

Он дал Джакомо и его жене книгу с именами всех святых, признанных церковью, с указанием дней, когда отмечается их праздник, и списком чудес, которые они совершили.

Супруги не продвинулись дальше первых строк. После Аббондио, Абрамо и Абрунколо Виолка остановилась на святом Акарио — покровителе

людей со сложным характером, защищающем от безумия, несчастных браков и ярости. Он показался ей отличным святым, и чудеса его впечатляли, так что в итоге она дала согласие. Ребенка окрестили под именем Акарио, но на протяжении всей его долгой жизни все вокруг называли его исключительно «Доллар».

Повивальная бабка, которая извлекла сына Виолки из материнского живота, была вовсе не последней, кого он привел в замешательство. Очень скоро Казадио поняли, что от их крови мальчик взял немного: разве что худобу, шаркающую походку и вечно задумчивый вид. В остальном ребенок унаследовал исключительно загадочные гены матери. Он научился говорить раньше, чем стоять на ногах, и сразу же принялся болтать без умолку. Слова для Доллара были не средством, а целью. По утрам, едва открыв глаза, он начинал с кем-нибудь общаться. Если же рядом никого не было, болтал сам с собой.

Сама Виолка тоже начала говорить, когда ей не исполнилось и года, а потому в таборе, где она родилась, поговаривали, что она одержима бесом, и побаивались ее. Доллара одержимым никто не называл, даже священник, который, по правде говоря, полюбил мальчика и с годами сам начал называть его нечестивым именем. Он не был одержим, но странным Доллар был вне всяких сомнений. Он умел разговаривать с животными, а еще, как и его мать, имел дар находить вещи и домашний скот, если они пропадали. Нередко кто-нибудь из соседей стучался в дверь Казадио с просьбой о помощи.

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

ДАНИЭЛА РАЙМОНДИ
БЕРЕГ ПЕЧАЛЕЙ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филлимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.02.2025.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,20. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аума. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филiaal ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

R-PDA-36114-01-R